

В.В. Гуськов

**«БЕСКОНЕЧНЫ, БЕЗОБРАЗНЫ, В МУТНОЙ МЕСЯЦА ИГРЕ...»
(ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ-БЕСОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОПЕЕ
А. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»)**

Исследуется один из типов персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо» – *персонажей-бесов*. Входящие в данную группу образы тесно связаны с авторской концепцией личности, воплощают представления художника об анти-идеальных ее чертах и раскрывают особенности понимания писателем исторических процессов. По мнению художника, идеология, вносимая в эволюционное развитие истории, становится источником разрушений и трагедий. К числу персонажей-бесов в эпопее относятся сторонники насильственного переустройства общества и носители революционных идей. Для большинства из них характерно восприятие реальной действительности через призму революции; безудержное стремление любыми силами воплотить в жизнь свои идеи по радикальному преобразованию общества; нечеловеческая энергичность и подвижность; неприятие общечеловеческих и христианских ценностей; постановка материального начала во главу угла и др. В статье на основе специфики художественного изображения, авторского отношения и интенсивности проявления отрицательных качеств выделяются и подробно рассматриваются три подтипа *персонажей-бесов*.

авторская концепция личности, бесовщина, революция, система персонажей, творчество А.И. Солженицына, тип.

В исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо» (1937, 1969–1990), воссоздающей катастрофические события эпохи Февральской революции, широко представлен тип таких персонажей, целенаправленными усилиями которых расшатываются устои России. Отстаивая радикальные социалистические или революционные идеи, эти действующие лица истории смотрят на мир преимущественно через призму «революции».

Отчасти их действиями, их целенаправленным «кружением» раскручивается *красное колесо*, обернувшееся трагедией страны на долгие годы. К числу таких персонажей можно отнести довольно пространно изображенных в эпопее Ульянова-Ленина, Гиммера-Суханова, Нахамкиса-Стеклова, Бронштейна-Троцкого и целый ряд других реальных исторических личностей.

Выделить таких персонажей в особый тип, к тому же тип антагонистов, позволяет как своеобразие художественных средств, которыми оперирует автор, создавая эти образы, так и собственно их «внутреннее содержание», специфика действий, решений, высказываний.

Так, воссоздавая образ Гиммера, автор неоднократно отмечает его неказистый внешний вид и нечеловеческую энергию. Через постоянное выявление негативных, низменных либо нерыцарских качеств раскрывается образ Ленина.

Через действия и специфику этих действий, а именно направленность на удовлетворение личных амбиций и желаний, показан Нахамкис. Через речь и особенности речевого поведения раскрывается образ Троцкого. Ирония становится характерным средством при воссоздании образов Бубликова, Ломоносова, Масловского.

Общими для персонажей рассматриваемого типа оказываются следующие свойства: амбициозность, забота о собственной выгоде и теплом местечке в революции, желание всеми возможными путями реализовать разрушительную для России идею, не человеческая, «бешеная» подвижность. «Бесовщина» в целом оказывается наиболее важной отличительной и характеризующей чертой этих действующих лиц, позволяющей выделить их в отдельную группу.

Подобный тип *персонажей-бесов* не является новым для русской литературы. Зараженные «бесовщиной» антигерои представлены в творчестве других писателей. Однако самую серьезную художественную разработку данный тип получил в творчестве Ф.М. Достоевского, у которого «новые преобразователи жизни обозначаются... вполне определённо – “бесы”, а вся их деятельность рассматривается им как бесовщина»¹.

В эпопее Солженицына вся гамма значений представленного типа складывается из традиционных смыслов, впитанных из народной религиозно-мифологической культуры, разработанных и вложенных в этот типаж русскими писателями-предшественниками, а также философскими исканиями отечественных религиозных мыслителей. Однако в «Красном колесе» Солженицына данный тип имеет и существенные отличия от традиционного содержания. Выражается это в ряде черт, свойственных персонажам эпопеи, в средствах художественного воплощения образов, в классификации.

У Достоевского *бесы* определены емким выражением, характеризующим суть их беснования, – «лакеи мысли». Таким образом, писатель указал, что все их поступки и действия определяются опасными и противоестественными (в данном случае – социалистическими) идеями. Подобными «прислужниками» собственных (а нередко и чужих) идей, идеологий являются и *бесы* «Красного колеса». Как и у Достоевского, важнейшей чертой этих персонажей в эпопее является то, что каждый из них вынашивает радикальный вариант идеи социалистического либо революционного переустройства мира, а их отношение к действительности «идеологически оформлено»². Обладают такой идеей и Ленин, и Гиммер, и Нахамкис, и Троцкий. Одни персонажи выражают свою идею в большей степени, другие – в меньшей, третьи, не имея своей, лишь «подыгрывают» чужой.

Гиммер, например, это лакей собственной же мысли о необходимости социализма последовательного, прошедшего через стадию управляемого капитализма и власти буржуазии. Один из крупных *бесов* – Ленин, прислуживающий идее немедленной социалистической революции и создания коммунистического общества, – видится самому автору, как «превосходная концентрация, экстракт

¹ Иванова А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского. М. : Наука, 1995. С. 105.

² Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 247.

коммунистической идеи»³. И это видение нашло свое художественное воплощение в характере воссоздания данного образа. Троцким управляет его же идея «перманентной» революции.

Однако если смотреть глубже, то окажется, что главным фактором, заставляющим *бесов* в «Красном колесе» прислуживать своим идеям, является более личный, связанный именно с особенностями характера мотив – *жажда власти*, стремление любой ценой ее заполучить. Художественно это раскрыто в образе Нахамкиса, наименее умного из изображаемых *бесов*, не способного прикрыть свое основное желание и связанные с ним злодейства какой-либо идеей-идеологией, как это делают обозначенные выше «мыслители-теоретики».

Именно о власти больше всего мечтает в эпопее Стеклов-Нахамкис: «Но когда тыходишь в события и протягиваешь совсем же не слабые руки эту власть взять – не даётся! Не берётся. <...> В чём дело? Какие же тут особенные методы? или особенные качества? <...> А как принудить их подчиниться? – Нахамкис не знал»⁴.

Стремлением занимать лидирующее, главенствующее положение обусловлены поступки, мысли и решения других *бесов*. И в этом отличие *бесов* Солженицына от *бесов* Достоевского. Антигероями последнего управляет идея глобального переустройства мира и общества, идея загнать «человечество палкой в хрустальный дворец запланированного... всеобщего счастья и процветания», построить «для него земной рай»⁵. *Бесы* же Солженицына фактически не имеют такой «положительной» задачи. Они даже не способны ее создать, так как для этого необходимо иметь хотя бы ложное, но чувство сострадания и уважения к народу, над которым осуществляется эксперимент. А такие персонажи, как Гиммер, Нахамкис или Ленин, открыто ненавидят Россию и ее граждан. Для них главное – осуществить революцию по задуманному ими плану, и не важно, какими будут последствия.

Если писатель оценивает мир через призму христианства, как и некоторые положительные персонажи «повествования», то *бесы* и многие другие сторонники неэволюционного пути развития – те же Ломоносов и Бубликов – всё воспринимают и оценивают через призму «революции». Для этих персонажей характерно не стремление к нравственному возвышению, а однолинейное, плоское движение к осуществлению революции как самоцели. Поэтому и мир, видимый их глазами, лишен объемности, «высоты», а предметы и явления оцениваются односложно – либо это революционно, либо нет.

Противопоставление христианства и социализма проявляется в понимании истины. Если для приверженцев первого учения истина в Боге, во Христе, то для

³ Солженицын А.И. Публицистика : в 3 т. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997. Т. 2. С. 339.

⁴ Солженицын А.И. Красное колесо // Собр. соч. : в 30 т. М. : Время, 2006–2009. Т. 7–16. Т. 15. С. 33–34. (Цитаты в тексте статьи приводятся по данному изданию с указанием в скобках номеров тома и страниц.)

⁵ Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М. : Советский писатель, 1990. С. 260.

сторонников второго явления истина в революции и во всем, что определяется этим понятием. К тому же революционная истина в отличие от христианской, как это подчеркивают персонажи-бесы, существует лишь для избранных: «У революционных истин есть великое свойство: обречённые, даже слыша их ушами, не понимают» [Т. 12, с. 411].

С мотивом «избранности» связана еще одна черта *бесов* – *эгоизм*. Каждый из них мнит свою теорию и свои решения единственно правильными, а себя – единственно подходящей кандидатурой на пост вождя (Нахамкис, Ленин, Троцкий) или теоретического руководителя (Гиммер).

Каждый стремится прежде всего получить выгоду для себя. А если кто-то с кем-то и сотрудничает, то это лишь способ использовать возможности и способности другого ради достижения собственной цели. Так, Нахамкису для теоретической выверки своих решений и действий, главная направленность которых – получение единоличной власти, нужен Гиммер; Ленин приближает к себе только тех, кто ему выгоден в тот или иной «исторический момент».

«Лакейство мысли» определяет и мировосприятие *персонажей-бесов*, и их отрицательные личностные черты.

Персонажами-бесами в эпопее можно назвать почти всех социалистов: беснование одних изображено пространно, других – лишь обозначено. К ним относятся и те, кто целенаправленно и решительно, руководствуясь личными амбициями и желаниями, тщеславием и стремлением к славе, раскачивает страну и ее устои, чьи действия можно охарактеризовать как античеловеческие и антинациональные. Идеологией же подобных персонажей становится простая идея революции.

Как и в «Преступлении и наказании» Достоевского (в видениях Раскольникова на каторге во время лихорадки), в «Красном колесе» распространение социалистических идей по России приобретает характер эпидемии, которую и можно назвать «бесовщиной». Степень зараженности этой «инфекцией» у отдельных персонажей, подверженных ей, и интенсивность проявления ими *беснования* в эпопее различны. К тому же сам Солженицын по-разному изображает таких персонажей и в связи с этим неодинаковым оказывается его отношение к ним. Это позволяет выделить в произведении, как минимум, три подтипа персонажей, связанных с мотивом «бесовщины». Основными критериями классификации *персонажей-бесов* могут служить, во-первых, характер изобразительных средств и специфика воссоздания образов, во-вторых, интенсивность проявления типологических черт «бесовщины» и их своеобразие, в-третьих, авторское отношение к действующему лицу.

Первый подтип – это крупные *персонажи-бесы* (некоторых можно даже назвать «персонажами-демонами»). К ним относятся такие действующие лица, как Ленин, Гиммер, Нахамкис, Троцкий. В произведении они воспринимаются как самые отрицательные действующие лица.

Второй подтип – персонажи, которых по контрасту с первыми можно назвать «мелкими бесами». К этому подтипу следует отнести социалистов Соко-

лова, Масловского, Каменева, Молотова и других, а также просто революционно настроенных деятелей – Бубликова, Ломоносова и т. д.

Третий подтип составляют персонажи, являющиеся носителями социалистических идей, активно поддерживающие революцию и даже выступающие лидерами тех или иных социалистических группировок, но отношение автора к которым неоднозначно.

Для определения характерных особенностей *персонажей-бесов* первого подтипа можно обратиться к образам таких малоисследованных исторических личностей, как Гиммер, который как наиболее яркий пример художественного воплощения данного типа сочетает в себе все свойственные *бесам* черты, и Нахамкис. Для наглядности можно также обратиться к образам Ульянова-Ленина и Троцкого.

В эпопее Солженицына прямые авторские характеристики, как правило, отсутствуют, и о мнении художника приходится судить по косвенным признакам, анализируя весь комплекс использованных художественных средств при воссоздании данного типа персонажей, а также публицистические высказывания писателя.

Одним из наиболее распространенных средств являются описания внешности и характера героев произведения, даваемые другими персонажами, их суждения и оценка. Так, в эпопее о Гиммере-Суханове читатель узнает от Саши Ленартовича, который «был разочарован» «тщедушной» наружностью социалиста, так как тот «не только не походил на вождя, но даже и на орла теории» [Т. 11, с. 45]. Но если мнение Саши о *бесе* вскоре изменится на противоположное (из-за нечеловеческой энергии последнего), то характеристики, по ходу развития событий даваемые другими персонажами, вступающими в отношения с Гиммером, подтвердят истинность первого впечатления молодого социалиста. Более того, они-то и раскроют внешнюю «нечеловечность» Суханова. Так, Владимир Станкевич, размышляя в «Марте...» над гиммеровским «Манифестом» к народам мира, «поражался неуспокоенному ввинчиванию этого Гиммера, нечеловеческого человека, как будто сделанного в пробирке...» [Т. 14, с. 138]. Далее, в «Апреле...», о происхождении этой личности задумается другой социалист – Церетели, назвавший его «проницательным гомункулусом» [Т. 15, с. 17].

Подобным образом Гиммера характеризуют многие персонажи: Гвоздев («Этого Гиммера, прости Господи, терпеть не мог Козьма: уж такой надоедливый, надоедливый в Совете человек – и самый бесполезный: ничего никогда не делал, только речи свои пропискивал» [Т. 13, с. 714]), Шляпников, Пешехонов и другие, не говоря уже о некоторых министрах Временного правительства, открыто презиравших и не желавших признавать этого выскочку.

Однако не всегда портретные характеристики способствуют выявлению *бесовских* качеств персонажей. Несмотря на то, что внешний вид того же Гиммера порой комичен и чем-то схож с обликом мифологического беса (тщедушность, безбровое лицо, нечеловеческий цвет, «воспалённый взгляд» и т. д.), в основном *бесовство* его и ему подобных персонажей передается не через портрет. Портретные характеристики некоторых *персонажей-бесов* говорят не об уродстве, а, наоборот, о внешней красоте. Например, Нахамкис, «как цензо-

вый обыватель, расхаживал в лучших костюмах – и сейчас в таком, и в пальто модном, вот не ждали его здесь сейчас. Он был дороден, высок, крупноголов, широк в плечах, рыжебород, красив, держался гордо...» [Т. 11, с. 536]. Бесовские наклонности и черты персонажей передаются прежде всего через их поступки, действия и речь, через саморазоблачения, через те эпитеты, которыми автор сопровождает действия подобных «героев» и т. п.

Важными в изображении и раскрытии характера *персонажей-бесов* являются, несомненно, такие приемы, как разные формы *авторской интроспекции* (если использовать данный термин с поправками на повествовательные особенности «Красного колеса»): передача внутренней речи, мыслей, самоанализа, «фиксирование текущего внутреннего состояния» и др.

Одним из важных способов художественного создания образов *персонажей-бесов* является раскрытие через мысли, речь, в том числе внутреннюю, их отношения к общечеловеческим и национальным ценностям. Если проанализировать отношение *бесов* к родине, народу, религии или, в частности, к земле, семье и даже к своей национальности и фамилии, то окажется, что для них это либо пустые понятия, либо причина стыда, позора, либо объекты ненависти. Откровенно неуважительно Суханов высказывается и о крестьянах, и о рабочих, и о многих других представителях той страны, в которой живет и в которой ради «всеобщего счастья» ставит свой эксперимент. Очевидна дистанцированность (к тому же в крайних формах – презрения и ненависти) персонажа-социалиста, якобы борющегося за права народа, от самого этого народа.

Агрессивные эмоции вызывает в нем и патриотизм в любых проявлениях, что, впрочем, обусловлено его убеждениями – идеологией интернационализма. Шедшие вразрез с «взрывной революционной идеей» призывы к дальнейшей защите страны в условиях продолжающейся войны оцениваются им как «патриотическая пошлость» [Т. 14, с. 359].

Бесовство, «нечеловечность» представителей «злых сил» – радикально настроенных социалистов, большевиков, Ленина, Гиммера и других – может определяться также через их отношение к земле – важнейшей для русского народа, через его традиции, образ жизни и ценности культуры. Для «бесов» земля никакого принципиального значения в сравнении с тем вниманием, которое уделяется власти как таковой, не имеет. Она лишь аргумент в борьбе за массовое крестьянское сознание, лишь лозунг («Земля и воля») в борьбе за власть. Неуважение к земле проявляется через неуважение к крестьянству.

Показательным является отношение к крестьянскому «классу» даже не крайне левого революционера Гиммера: «Хотя крестьянство и представляло собою, увы, большинство населения, но, жадное до одной лишь земли, направляя все свои мысли к укреплению лишь собственного корыта, крестьянство вполне имело все шансы продремать главную драму революции и никому бы не помешать. Пошумевши где-то в своей глубине... получило бы крестьянство свои желаемые клоки земли и утихомирилось бы в своём идиотизме сельской жизни» [Т. 13, с. 553].

Для подобных революционеров крестьянство – темная, безудержная сила, «быдло», которое не в состоянии понять «истинных» целей революции, а потому и не способно помешать «осуществлению гегемонии пролетариата». В ранних редакциях «Колеса» отношение Гиммера («известного экономиста-аграрника») к земле достаточно ярко освещалось через описание его работы в земельной секции. Так, поручение сделать доклад по земельному вопросу оказывается для него унижительным: «...там сидели одни солдаты, тупорылые землееды, и выработывали “закон о земле”, даже понятия не имея о земельной ренте, не стал Гиммер с этими дураками и спорить. Да испытывал он до странности сильную неприязнь к этому мужицкому делу»⁶.

Для Нахамкиса, размышляющего только о себе и своей роли в революции, которой он якобы «всю жизнь отдал», оказывается постыдным ношение «позорной фамилии своего богатого, но недалёковидного отца» [Т. 14, с. 156]. Поэтому ему, обличителю «казённой лжи» [Т. 14, с. 154], пришлось переступить через революционные законы и подавать прошение на высочайшее имя, чтобы сменить то, что связывает человека с его родом и предками, что для многих людей является незыблемой ценностью, предметом гордости и чести.

Подобной чертой – отрицательным отношением к общечеловеческим ценностям – *бесы* «Красного колеса» также схожи с *бесами* Ф.М. Достоевского. М. Бахтин, анализируя одноименный роман Достоевского, отмечал: «Бесы – люди без всякой почвы, ни в чём не укоренённые, отказавшиеся даже от своего родства. Они никто, поэтому и могут производить встряски и перевороты. <...> Пётр Верховенский... его нет ни в отце, ни в нации, ни в друзьях»⁷. То же самое может быть сказано и о *бесах* исторической эпопеи А. Солженицына.

Особой чертой персонажей-бесов является постоянное преувеличение ими своих способностей, возможностей и талантов (если о таковых вообще можно говорить), а также частые заявления о своей исключительности. И в этом кроется особая форма авторской иронии. Ленин чувствует в себе огромную разрушительную силу: «Способный весь мир раскроить, взорвать и перестроить – он слишком рано родился, только себе на муку» [Т. 10, с. 117]. Гиммер постоянно размышляет о незаурядности своего ума: «Его назначением, его вождением было – отдать себя революции как силу литературную и как мощного теоретика» [Т. 11, с. 524]; «ах, он сам был несчастный, что такой умный! Он сам был несчастный, что всегда соображал раньше всех, точнее всех...» [Т. 12, с. 103] (сравните с муками Ленина, страждущего оттого, что родился слишком рано). Нахамкис вообще считает себя творцом если не целого мира, то во всяком случае нового российского общества и новой государственной власти: «Какой же выше пост – не правительство, а выше правительства: ты его создал и допустил?» [Т. 15, с. 34]. Или: «...становился в России чернышевец Стеклов – первым и главным человеком» [Т. 14, с. 157].

⁶ Солженицын А. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах : в 10 т. М. : Воениздат, 1996. Т. 9. С. 64.

⁷ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 2000. Т. 2. С. 279.

Если при воссоздании положительных персонажей Солженицын так или иначе прибегает к «диалектике души», то по отношению к *персонажам-бесам* она не применяется. Более того, автор в противовес положительным героям, описывая *бесов*, делает акцент на их физиологической стороне, на простейших инстинктах, которые иногда становятся основными мотивами их поступков либо существенно влияют на их действия.

Через описание низменных проявлений автор указывает на свойства природы, характера персонажей-бесов. Так, описывая революционные дни 1917 года, Солженицын несколько раз подмечает, как, каким образом и когда принимают пищу революционеры-социалисты и какое значение она для них имеет. Скорее всего, цель данных отступлений («отступлений») от решаемой в «повествовании» основной творческой задачи – именно охарактеризовать еще с одной стороны данных деятелей, показать уровень их потребностей.

В эпопею с физиологическим мотивом еды, поедания пищи особо тесно связан образ Гиммера. Описание «гастрономических» пристрастий и размышлений данного персонажа неоднократно встречаются в тексте произведения.

Вспоминая о «революционных» преимуществах квартиры М. Горького на Кронверкском, Гиммер делает немаловажное – в первую очередь для него самого – мысленное дополнение: «И к тому же всегда кормили (не то чтоб обслуживали, а было что взять поесть, кто там часто бывал)» [Т. 11, с. 279].

Судорожно решая «теоретические» проблемы революции на Совете в Таврическом 27 февраля, он не забывает о самом главном: «В военную комиссию кто-то принёс кастрюлю с котлетами, без вилок и белого хлеба. Гиммер тоже пристроился» [Т. 11, с. 710].

Гиммер неоднократно вспоминает о еде, без которой у него не осуществляется нормальная мыслительная деятельность: «Со вчерашнего дня они почти не ели... Но вот – им принесли и расставили по столу кружки со сладким крепким чаем и бутерброды с маслом и сыром. Стало рассуждаться легче» [Т. 6, с. 100–101]. Здесь очевидно ироническое подчеркивание автором прямой зависимости материалиста-беса от материи: еда и революция оказываются взаимосвязаны. К тому же далее Гиммер сам в этом и признается: «...покушать с закуской, первым, вторым и третьим – это материальная основа для дальнейшей революционной инициативы» [Т. 13, с. 223]. Развитие революции – самого главного в его жизни, цели и смысла его существования – зависит прежде всего от материальной основы – еды, а не от чаяний людей, потребностей народа. Во всех этих частых упоминаниях о пище очевидна ирония и даже сарказм автора, полагавшего, что «вовсе не материальное начало – первичное начало нашей жизни»⁸.

Даже сам характер отношения Гиммера к своим «революционным» размышлениям, получает в тексте гастрономические сравнения: «А между тем И-Ка сдви-

⁸ Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 121.

нулся обсуждать условия передачи власти буржуазии – и Гиммер вытягивал самую сладость из теоретической косточки» [Т. 12, с. 410].

Важно, что удовольствие Гиммеру приносит подготовка договора, с которого фактически начнется так называемое «двоевластие» в стране, приведшее к трагическим последствиям.

Но не только для Гиммера характерно чрезмерное внимание к пище. Он лишь яркий пример. Подобное присуще всему Исполнительному комитету и как совокупности различных *бесов*, и как самостоятельному коллективному персонажу произведения. Так, в главах, в которых повествование ведется как бы от лица этого коллективного образа, также отмечается его немалый интерес к пище.

Самым разрушительным *бесом* в эпопее представлен Ульянов-Ленин, которого писатель называет одним из главных своих героев ⁹. Беснование Ленина проявляется через его отношение к различным ценностям и, в частности, к России и русскому народу, святых для многих положительных персонажей (как и для самого автора) понятиях, о которых он может сказать следующее: «Развращённая, расслабленная православием <<чёрная мужицкая масса>>...» [Т. 10, с. 111]; или: «И зачем он родился в этой рогожной стране?!», «дрянной российской колымаге» «разляпистой, растяпистой, вечно пьяной» [Т. 10, с. 112]. Нелюбовь к своему народу проявляется и в подсчетах Лениным-персонажем русских потерь на фронтах Первой мировой, которые он находил в газетах и подмечал «с удовольствием и удивлением. Чем крупней были цифры, тем радостней...» [Т. 4, с. 110]. Даже к семье у него своеобразный «идеологический» подход: «домашний порядок есть часть общепартийного дела» [Т. 1, с. 203].

В одном из своих интервью, посвященных «Красному колесу», А. Солженицын характер своих отношений с образом Ленина пояснял так: «Я не его атакую, а его идеологию» ¹⁰. Действительно, автор детально раскрывает античеловеческую направленность ленинских планов («...в будущей гражданской войне у нас будут воевать и женщины, и дети с 13 лет» [Т. 10, с. 104]. Но автор не останавливается только на рассмотрении идей будущего вождя. Воссоздавая образ Ленина, художник постоянно подмечает, «высвечивает» его слабые, негативные личностные качества.

Важной особенностью художественного воссоздания этого *персонажа-беса* является то, что автор позволяет ему в «моногогеройных» главах самому себя разоблачать и дискредитировать. Помимо размышлений, воспоминаний героя, фиксируются или, точнее сказать, акцентируются человеческие пороки и недостатки Владимира Ильича – скупость, неверность, лицемерие, мелочная мстительность, горделивость, постоянная озлобленность, заносчивость и т. п. Например, отмечая *мстительность* персонажа, он пишет: «Ошибка он вообще не прощал. Ничьей ошибки он не мог забыть никогда, до смерти» [Т. 7, с. 203]. (В данном примере «довесок» «до смерти», к тому же выделенный запятой, го-

⁹ «В Узлах действуют и главные лица истории. Вот, например, Ленин. Он – из моих главных героев» (Солженицын А. Публицистика. Т. 2. С. 324).

¹⁰ Солженицын А. Публицистика. Т. 2. С. 339.

ворит о том, что эти слова могут принадлежать и автору-повествователю, оценивающему порок исторического лица с высоты надсобытийного времени.)

Скорее всего, на примере вождя автор показывает те качества, которые возобладают в обществе, построенном на основе ленинских идей, которые, кстати, критически изображаются практически во всех произведениях Александра Исаевича.

Именно с *персонажами-бесами*, в особенности с первым типом *бесов*, связано одно существенное противоречие в творчестве Солженицына, и это касается не только *бесов* исторической эпопеи, но и ряда подобных персонажей ранних его произведений. Противоречие заключается в некотором несоответствии декларируемых автором творческих задач характеру их художественного воплощения. Так, в одной из своих поздних статей Александр Исаевич отмечает следующее: «Я цель имел... во всех моих книгах показать: что можно из человека сделать, показать, что линия между добром и злом постоянно перемещается по человеческому сердцу»¹¹. Однако весь характер воспроизведения образов *бесов*, те художественные средства, которые автор использует, позволяют утверждать, что ни в какую сторону у них линия не изменяется. Данных персонажей не терзают сомнения по поводу справедливости и моральной чистоты собственных поступков и решений. Ни одно их действие в произведении не приносит положительных смыслов образу.

Второй подтип *персонажей-бесов*, условно обозначенный нами как «мелкие бесы», можно, пользуясь выражением Ф.М. Достоевского, назвать «бесенятами»¹². К данному типу относятся почти все не входящие в первый подтип социалисты, принимающие участие в работе Совета и его Исполнительного комитета, в частности Чхеидзе, Соколов, Масловский и многие другие. В эту группу можно включить и таких революционеров и даже «антисоциалистов» (не поддерживающих данную идеологию), как Бубликов и Ломоносов.

Одним из ярких представителей данного подтипа является юрист-социалист Николай Соколов, восторженно оценивающий Гиммера, обладающий теми же чертами и свойствами, что и крупные *бесы*, однако уступающий им интенсивностью проявления «бесовства», ролью, занимаемой в Исполнительном комитете Совета и, следовательно, в произведении.

Под данный подтип попадает и Сергей Масловский – тайный эсер и одновременно библиотекарь Академии Генерального штаба, намеревавшийся в революционные дни посадить царя под арест и даже получивший «великолепную революционную задачу», доведенную им в мыслях до «цареубийства»: «Всё революционное нутро Масловского встрепенулось навстречу прямому ответу: цареубийство! – вот пламенный язык революции, вот кардинальное решение вопроса, и никакой реставрации никогда!» [Т. 13, с. 717].

¹¹ Солженицын А. Потёмщики света не ищут // Комсомольская правда. 2003. № 197. С. 10.

¹² Так называет, наряду с бесами, мелких сторонников социалистической идеологии один из персонажей романа Достоевского «Бесы» – Степан Трофимович Верховенский, отец главного «беса» в этом произведении (Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 10. С. 499).

Смелость и решительность его мысли сочетается с мыслительным же актерством: он мнит себя «конквистадором» [Т. 13, с. 715], однако от фронта мировой войны спасается в военной библиотеке.

Все действия этого персонажа – реального исторического лица – мотивируются в эпопее заносчивостью и тщеславием («Уж лучше Сергея Масловского кто и представлял, как надо совершать революцию?» [Т. 11, с. 686], «...что бы он мог, если бы перед ним развернулись просторы!» [Т. 13, с. 715], а также желанием революционно проявить себя в «великий час», «для которого он и жил всегда» [Т. 13, с. 716]. Однако в решительный момент этот Аника-воин боится возложить на себя ответственность. Истинное чувство – страх – не позволило ему принять руководство «штабом восстания» в Таврическом: «Он примерял к себе смертную казнь или каторжные работы, и в отчаянии был, что так глупо влип» [Т. 11, с. 688].

Тех качеств, которые так бурно мысленно развивал и обнаруживал в себе Масловский – воли, смелости, решительности – в действительности не хватило. Он не смог доиграть до финала надуманную революционную роль и свершить «государственный акт».

В группу «мелких бесов» можно отнести и будущих крупных большевистских функционеров и вождей – Сталина, Молотова, Каменева и других, почти не проявивших себя в февральских событиях. В эпопее этим ключевым личностям XX столетия по сравнению с тем же Гиммером или Бубликовым автор уделяет значительно меньше внимания. Большинству из них даже не предоставлена возможность «выразить-саморазоблачить» себя в моногеройных (акториальных) главах, и они представлены как эпизодические персонажи или просто упоминаемые (Сталин, Луначарский, Зиновьев, Бухарин и др.).

Однако даже в этих случаях очевиден особый авторский подход к их изображению – негативное и даже уничижительное воссоздание образов. Так, будущий «Император Земли» упоминается в эпопее с некоторой долей авторского пренебрежения, и то лишь при рассмотрении иных исторических личностей. Например, поясняя характер взаимоотношений между Лениным и Малиновским, автор вскользь затрагивает и будущего «отца народов»: «...довольно было Малиновскому кого-нибудь <Ленину> посоветовать, там Сталина, – включал <в ЦК> и того» [Т. 10, с. 107–108].

Снисходительно, пренебрежительно, а порой и крайне негативно оценивают мелких бесов бесы крупные. Гиммеру в эпопее «выпадает» честь оскорбительно высказаться о Сталине, а большевику Шляпникову – о соратнике Молотове: «...молча сидел туповатый Сталин, никогда ещё отчётливо не высказавший ни одной своей мысли» [Т. 16, с. 175]; «А на зануде этом, Молотове, – литературные дела. Называется. А листовку его до конца не дочитаешь, заснёшь, для овец и коров такие листовки писать. <...> Взяли Молотова потому, что некого больше» [Т. 10, с. 337].

Такое распределение исторической ответственности в системе персонажей эпопеи определяется мыслью художника о том, что в произошедших государственных и общественных переменах Февраля большевики никакой значимой

роли не сыграли. А последующий же приход Сталина и Молотова к власти был не исторической (или какой-нибудь иной) закономерностью, а результатом внутрипартийных интриг. Автор в эпосе выходит за временные рамки воссоздаваемого сюжета и решает вопросы, связанные с более поздними периодами исторической реальности.

Для рассмотренных выше двух подтипов *бесов* характерны эпитеты, обозначающие их неугомонность и неумную энергию, безудержную подвижность, нечеловеческую активность и динамичность.

Так, Гиммер «в малом теле имел избыток динамизма» [Т. 12, с. 491], а лицо его было «выразительно-энергично» [Т. 11, с. 45]. Кроме того, характер подвижности данного *беса* и его внешний вид позволяют сравнить поведение этого персонажа с поведением мелкого насекомого, а точнее, с подвижностью блохи, считающейся издревле «нечистым созданием»¹³: «...он был мал, но прыгнуть мог выше любого большого. Именно быстротою сообразительности и действий он всех и обскакивал» [Т. 12, с. 491]; «Гиммер, как всегда самый быстрый в заскоке...» [Т. 12, с. 546]. Прямо же «блохой» в главе 34 «Апреля...» его мысленно называет Александр Гучков, характеризующий членов прибывшей на переговоры с ним 17 апреля «контактной комиссии» Советов: «На месте был и заранее как бы припрыгивал для следующих вопросов и возражений – блоха Гиммер» [Т. 15, с. 298].

Но если этому персонажу для подобной подвижности нужна материальная основа – еда, без которой ему плохо мыслится в русле того же материализма и не хватает революционного напора, то у самого жуткого *беса* эпоса и самого главного «поборника» диалектического материализма – Ленина – энергия имеет необъяснимый метафизический источник: «А голода от пропущенного обеда не ощущал никакого. Ему – можно было и мало есть, в нём энергия вырабатывалась почти и без еды» [Т. 10, с. 110].

Удивительно энергичен и динамичен «пружинный, быстрый» Троцкий. Своей жизненной энергией на страницах «Апреля...» он поражает доктора Федонина, возвращающегося одним с ним поездом в Россию: «Тут, в вагонном разговоре, Троцкий, кажется, и двадцатой доли своей энергии не дарил...» [Т. 16, с. 479].

Из крупных *бесов*, наверное, только Нахамкису не свойствен подобный динамизм движения. В самом начале он появляется в Совете (это первое его выступление на страницах эпоса) «основательным, хозяйским шагом, основательно огляде<в> присутствующих...» [Т. 11, с. 536]. Однако и в нем, к удивлению его «соратников», порой «выпирала динамичная революционность» [Т. 13, с. 451]. В конечном итоге в художественном мире эпоса неестественный динамизм *бесов* оказывается в основе разрушительных и античеловеческих сил.

Очень подвижны и *мелкие бесы*, среди которых «живчик с бородкой и пятном белой лысины среди чёрной поросли» «неуёмный Соколов» [Т. 14, с. 66]; отличающийся «только ртутной подвижностью» [Т. 12, с. 84] от предста-

¹³ Мифы народов мира : в 2 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. С. 202–203.

вителей своего сословия – средних буржуа – Бубликов; на «молниеносные» решения [Т. 12, с. 440] способен его помощник Ломоносов, особенно когда дело касается его же амбициозно-революционных планов.

Направленная на расшатывание устоев разрушительная подвижность и нечеловеческая энергия *персонажей-бесов* тесно связана с мотивами «колеса», «кручения» и «вращения». Так, Гиммер в главе 428 «Марта...» «завился, забился... как штопор, на месте...» [Т. 13, с. 292]; порой «волчком» [Т. 14, с. 69] вертелся Соколов. А у некоторых персонажей подобному виду движения подвержены даже отдельные части тела: у Ломоносова, например, «...мелькал, перекачивался по комнатам стриженный котёл... головы» [Т. 12, с. 440].

Именно особое авторское отношение к персонажам как один из отмеченных критериев позволяет сгруппировать сторонников социалистического развития общества, являющихся фактическими носителями, распространителями и поборниками бесовских идей, в третий подтип. К этому подтипу можно отнести таких, основанных на реальных исторических прототипах действующих лиц, как Владимир Станкевич, Александр Шляпников, Козьма Гвоздев и даже Иракий Церетели, а также вымышленного Сашу Ленартовича.

Так, характер изображения Александра Шляпникова в эпосе отличается от специфики образов Гиммера или Нахамкиса. В произведении очевидно не только обличительное отношение автора к этому фактическому в стране на тот момент лидеру большевиков, но и... дружеское (повествователь называет его «Санькой» [Т. 13, с. 465]), а порой и сочувственное.

Раскрывая предысторию Шляпникова, писатель показывает его в отличие от *бесов* первого подтипа прежде всего как труженика, первоклассного специалиста – токаря мирового уровня, не забывающего и любящего свою профессию (сравните с Гиммером), что в свою очередь способствует положительному восприятию образа большевика. «Дружеское» отношение автора к данному персонажу проявляется и через изображение естественных человеческих страстей и переживаний героя (чего практически лишены *персонажи-бесы* первого подтипа). Так, на страницах эпоса Александр Шляпников неоднократно вспоминает о своей возлюбленной – Александре Коллонтай. Любовь героя к этой «новой женщине» в эпосе печальна, трагична (из-за неразделенности) и нежна – большевик, державший не раз в руках пистолет, живший по суровым законам «подполья», оказывается способным на нежные чувства: «Солнышко ты моё красное, неужели ж ты для меня потеряна?» [Т. 16, с. 181].

Неоднозначное отношение автора к Шляпникову (а также и к Козьме Гвоздеву) не случайно. В одном из своих интервью о «Красном колесе» А. Солженицын объяснил его так: «Симпатия у меня к нему личная, и отчасти симпатия из-за его судьбы, это же относится и к Гвоздеву; вот две фигуры в каком-то смысле тут параллельных, потому что оба они рабочие, оба

они несчастным образом потом расплачивались при советской власти, и оба погибли в результате сталинского террора»¹⁴.

Нейтрально, без жесткой иронии или сарказма, а иногда с ярко выраженным «положительным» вниманием автор воссоздает в эпопее образы Станкевича и Пешехонова. То же самое можно сказать и о вымышленном Саше Ленартовиче, в чьем образе автор не только показывает максимализм социалистически настроенной молодежи, но и исследует влияние этих идей на судьбу героя. Даже к образу Ираклия Церетели авторское отношение неоднозначно. Писатель уделяет немало внимания рассмотрению патриотических идей этого социалиста.

Несмотря на силу художественных предвидений Ф.М. Достоевского (часть из которых так или иначе осуществилась в реальной истории), в романе «Бесы» очевидны оптимистические надежды на спасение России от угрозы всеобщего *беснования*. Они выражаются, например, в словах, сказанных Степаном Трофимовичем Верховенским, осознавшим в конце концов творимое ими зло: «Но великая мысль и великая воля осенят её свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней»¹⁵. У Солженицына, несмотря на осознание некоторыми *бесами* «Красного колеса» случившегося, такие надежды никто не высказывает. Тем более что историческая действительность в отличие от Достоевского не предвиденная, а хорошо известная автору, такие надежды всё равно не оправдает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского [Текст] // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Русские словари, 2000. – Т. 2. – 800 с.
2. Достоевский, Ф.М. Бесы [Текст] // Полн. собр. соч. [Текст]: в 30 т. – Л.: Наука, 1984. – Т. 10. – 518 с.
3. Иванова, А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского [Текст]: моногр. – М.: Наука, 1995. – 194 с.
4. Мифы народов мира [Текст]: энциклопедия: в 2 т. / под ред. С.А. Токарева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – Т. 2: К–Я. – 719 с.
5. Сараскина, Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение [Текст]: моногр. – М.: Советский писатель, 1990. – 480 с.
6. Солженицын, А. Красное колесо. Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах [Текст]: в 10 т. – М.: Воениздат, 1996. – Т. 9. – 583 с.
7. Солженицын, А.И. Публицистика [Текст]: в 3 т. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995–1997.
8. Солженицын, А.И. Красное колесо [Текст] // Собр. соч.: в 30 т. – М.: Время, 2006–2009. – Т. 7–16.
9. Солженицын, А. Потёмщики света не ищут [Текст] // Комсомольская правда. – 2003. – № 197. – С. 9–11.

¹⁴ Солженицын А. Публицистика. Т. 3. С. 265.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Бесы. Т. 10. С. 499.

10. Урманов, А.В. Творчество Александра Солженицына [Текст] : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 384 с.

V.V. Guskov

**THE TYPOLOGY OF DEMONS
IN A.I. SOLZHENITSYN'S EPIC NOVEL «THE RED WHEEL»**

The paper deals with demonic characters which appear in A.I. Solzhenitsyn's cycle of novels «The Red Wheel». A.I. Solzhenitsyn's demon-characters represent antiideal personality traits. The characters are used by the author to reveal his understanding of historic processes. The writer believes that ideology destroys the evolutionary development of history bringing about tragedy and destruction. Among A.I. Solzhenitsyn's demons there are those who fight for forcible reorganization of society, revolutionists. Almost all of them view the world through the prism of revolution, they deny Christian values, they worship material treasures and discard spiritual ones. Relying on A.I. Solzhenitsyn's attitude to his characters and on the intensity of negative features in them, the author of the article singles out three subtypes of demons.

author's conception of a personality, demons, revolution, system of characters, A.I. Solzhenitsyn's work, typology.